

Ф. КЕЛЬИН

Октябрьский спектакль в Мадриде

Шоссе Валенсия—Мадрид. Вечерет. Над страной дышит испанская осень. Листья пожелтели и сморщились. Ярче выступает розовая земля виноградников и апельсиновых садов. То и дело дорогу заволанивает сетка дождя. Горы и холмы окутаны сыррым туманом.

Я ехал в Мадрид на премьеру «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского, поставленной в театре «Искусства и пропаганды» в честь двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Душой этого театра является Мария Тереса Леон. Правительством предоставлено театру помещение б. театра Сирсуэлы, с большой сценой, необходимой для постановки массовых спектаклей. Мария Тереса ввела ряд принципиальных нововведений в театре. Она объяснила испанским актерам преимущественно левый, площадной и покатокий план перед плоской сценой, на которой они привыкли до сих пор играть. Для испанского театра эти нововведения означают подлинную революцию.

Качественно состав труппы театра довольно сильный. Особенно выделяются в мужском составе Северино Мехуто, играющий в пьесе Вишневского роль Алексея, Луис Пеня, Варберо, а в женском составе — Мария Анхела дель Олино (комиссар).

Весь день 13 октября или непрерывные репетиции. Даже прохладившаяся в этот день бомбардировка фашистами Мадрида не прекратила их. Особенно сильной бомбардировке подвергся город вечером, и как раз тот район, где расположен театр. Присутствуя на репетициях «Оптимистической трагедии», я мог видеть, как реагировали на обстрел испанские актеры. Один снаряд разорвался совсем рядом с театром в момент прохладившейся на сцене оживленной дискуссии. Секунда молчания и — снова горячие споры.

В перерыве между репетициями я бродил по Мадриду. Осенний воздух как-то по-особенному чист и прозрачен. В парке Дель Буэн-Ретиро еще цветут последние цветы.

14 октября заканчиваются последние приготовления к спектаклю. Художники разрисовывали большой плакат (военмор с гармонией в руках), в последний раз просматривали костюмы. Работницы фабрики в Сирсо, узнав, что советские моряки посят толпники (они неизвестны в испанском флоте), связали их по указаниям Марии Тересы. Энтузиазм, вызванный постановкой «Оптимистической трагедии», так велик, что работницы отказались взять плату за свою работу. Синие форменки даю министерство авиации. Дивизия Кампесино прислала винтовки, штыки и один из своих пулеметов. В испанской постановке «Оптимистической трагедии» нет бутафории в обычном смысле слова: мешки, ящики для динамита, провололочные заграждения — все настоящее, взятое из артиллерийского парка. Удивительное не приходится — театр находится в 700 метрах от фронта. Аккомпанементом для спектакля служат канонада и разрывы снарядов, выпускаемых неприятельскими батареями с Серро дель Агия.

15-го на рассвете противник редким огнем снова обстрелял город, на этот раз не центр, а его рабочие кварталы. Над городом прошли самолеты; у Хуэста де ля Рейны шел бой. Все это создавало боевое, приподнятое настроение. Вечером состоялся просмотр двух первых актов. Были представители печати, литераторы. Марию Тересу, не выходявшую в этот день из театра, со всех сторон поздравляли с замечательной постановкой.

Наконец наступил день премьеры — 16 октября. Спектакль должен был начаться в 5 ч. 30 м., но уже задолго до этого времени на небольшой площади перед театром толпился народ. За кулисами — нервная обстановка премьеры.

Зал празднично убран красными полотнищами с приветственными словами Советскому Союзу. Свой спектакль театр посвятил 20-й годовщине Октября. Перед красным занавесом стоит небольшой стол. Спектакль должен открыться митингом.

Огромный театр полон. Военная форма и рабочие спецовки пестрят толпу зрителей.

Много женщин, детей. Рядом со мной в ложе — группа старшего командного состава армии.

Перед занавесом появляются поэты: Артуро Серрано Илья, приветствующий двадцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции от «Альянса антифашистской интеллигенции», Луис Сернуда, читающий свои стихи о Советском Союзе. Альберти читает свой перевод «Гренады» Светлова; Росадо выступает с приветствием от имени Общества друзей Советского Союза. Последней выступила Мария Тереса с объяснением задач театра.

Короткая музыкальная интродукция на тему «Яблочко», написанная для спектакля композитором театра Хесус Гарсия Леосом, и занавес поднимается. Минута высокого напряжения. И вдруг откуда-то сверху срывается голос кричит «браво». Его охватывают. Испанский зритель хочет слушать. Впервые за 60 лет он увидел «справду жизни» на сцене своего театра. Обращение конечно: снова звуки трубы; отряд перестраивается. Оркестр играет популярную в Испании «Кавалерийскую», стройные мужские голоса дружно подхватывают мотив. Взяв аллодисментов. Проходят две, три, пять минут — зрители так же бурно аплодируют. И вдруг весь театр поднимается. Люди с суровыми, растроганными, счастливыми лицами, подняв вверх кулаки, смотрят туда, где сидит защитник Мадрида ген. Миаха. Раздаются звуки гимна Риёго. И снова глубокая тишина. Публика жадно слушает и глядит.

700 метров отделяют театр от траншей. В любое мгновение неприятель может обстрелять его. А между тем театр неполноцен. Зритель страстно, как нечто свое, родное переживает пьесу. Его волнует судьба отряда советских моряков; ведь это же его собственная «оптимистическая трагедия». Те же вопросы волнуют сейчас испанский народ.

Второй акт, ставящий с большой остротой проблему дисциплины, отношения к командованию, подлинного героизма, проходит при напряженном внимании зала и вызывает горячее одобрение. В антракте в ложах, в самом зрительном зале идут споры. Это уже не литературная дискуссия предшествующего дня: спорят военные, спорят шумно, позволено. Пьесу обсуждают так, как стали бы обсуждать проблему внутренней политики, или событие на фронте. Все симпатии на стороне комиссара и, когда в последнем действии он умирает, в театре слышатся всхлипывания. Плечут преимущественно женщины. Мужчины стараются сохранить суровое спокойствие. Но они тоже растроганы.

Нужно ли говорить об успехах пьесы? Мария Тереса, вернувшись поздно ночью домой, долго не отходит от телефона. Звонят из театров, клубов, кино, требуя постановки «Оптимистической трагедии» в различных районах Мадрида. И это через час после окончания спектакля!